

Марш на Волочаевку

27.06-18.07.2018

Биробиджанер Штерн

Представляем читателям перевод с идиша Валерием Фоменко главы из книги Мойше Гольдштейн «Биробиджанцы на Амуре». Родился Мойше Гольдштейн в Польше в 1900 году. С 1926 года жил в Аргентине, где сотрудничал в печати еврейской диаспоры. В 1931 году прибыл на территорию будущей ЕАО вместе с многочисленной группой добровольцев, основавших на месте нынешнего Соцгородка коммуны ИКОР (Идише Комуна аф Ойсницн фун дэр Ройэрд, что значит «Еврейская коммуна по обработке целинных земель»). Через год коммунары отправили Гольдштейна в Москву на учебу, где он и остался уже в качестве литературного сотрудника газеты «Эмес» («Правда»). С осени 1941 года М. Гольдштейн — на фронте. Пал смертью храбрых.

В то лето все небо над тайгой было затянуто тяжелыми холодными тучами. Неделями, почти не переставая, лили дожди. Вода от этого в ближних реках поднималась, все заметнее раздвигая берега. В округе затопило дороги, частью ушли под воду посевы. Обитатели таежного селения начинали и заканчивали дни в невеселом ожидании ясной погоды, и, когда, случалось, дождь на какое-то время прекращался, каждый из них работал за десятерых.

В один из хмурых дней, когда утренний дождь как будто перестал, а предобеденный вот-вот должен был начаться, по колхозу прополз тревожный слух, что на артельном складе не осталось ни горсти муки, ни ведерка фуража для лошадей. Еще слышнее стали разговоры о плохой работе правления, о председателе, который, затеяв «гигантское» строительство, отчего-то забыл о хлебе насущном для строителей, и что о вывозе муки со станции Волочаевка надо было бы побеспокоиться еще до того, как начнутся эти дожди...

— Товарищ председатель, завтра мне уже нечего будет положить в котел, — услышал вместо обычного утреннего приветствия председатель Лейбман от поварихи Хаси, когда на минутку заглянул в столовую коммуны. — Это ж прямо беда! Вы посмотрите сами, сколько у меня осталось той черной муки, — показала хозяйка кухни на полупустой мешок в углу.

Лицо Хаси пылало не то от жаркого пламени печи, не то от плохо скрываемого гнева, и Лейбман невольно отвел глаза от пристального, прямо-таки режущего взгляда женщины. Что он мог сказать ей в ответ? Недовольно буркнув что-то себе под нос, председатель попятился к порогу. А Хася, уперев руки в бока и приняв позу превосходства, обратилась уже к работницам кухни:

— И как вам нравится такой хозяин, хочу я вас тут спросить?

Скосив глаза в направлении окна, она продолжала смотреть вслед поспешившему ретироваться Лейбману. Тот, не обходя луж, торопливо шагнул по направлению к скотному двору, еще не уяснив себе, зачем он туда идет. Зачем? Да хотя б уж затем, чтобы не видеть разгневанного лица поварихи Хаси и опущенных глаз ее помощниц. «Стоп! А чего это я

туда?..» – спохватился Лейбман, подойдя уже к самым воротам конюшни, и живо представил себе такие же лица, какие он только что видел на колхозной поварне. И уже поворачивая назад, подумал вдруг: «А что если сейчас на коня... и... хоть куда-нибудь?»

Осторожно, почти крадучись, что было совсем не в его привычках, Лейбман подошел к двери конюшни и, приоткрыв ее, заглянул внутрь темноватого помещения. Почуввав человека, лошади повернули головы в его сторону. Лейбман поежился: в глазах животных отчетливо читался немой укор. Досадливо крикнув, председатель переступил порог сарая. Что он увидел? Пустые ясли, опавшие – хоть ребра считай – лошадиные бока, изгрызенные доски перегородок... «Вот дожили, а! Не иначе, как самим нам придется в телеги впрягаться», – пятась к выходу, сокрушенно проговорил он вслух.

В дверях Лейбман лицом к лицу столкнулся с конюхом Мотей. Тот нес за плечами испачканный мешок. Сделав вид, что он и не заметил неожиданного гостя, Мотя ловко разминутся с предкоммуны и, перекинув ношу на правую руку, двинулся вдоль яслей, посыпая в них что-то из мешка. И тут у Лейбмана возникло подозрение: уж не тот ли это мешок, который ему только что демонстрировала на кухне разгневанная повариха Хася?

– Стой, Мотя, стой! – рванулся председатель к конюху и крепко ухватил его за рукав. – Что ты делаешь и что у тебя в этом мешке?

– Не трогайте меня! Видите же, я занят!

И легко освободившись от председательской хватки, Мотя продолжил раздачу корма, пока мешок не опустел совсем. Лошади с негромким радостным ржанием теснились к кормушкам и, пофыркивая, быстро очищали их, по всей вероятности, от последних горстей колхозной муки.

– Я не знаю, кому хорошо от этих биробиджанских дождей, но скажите мне, кто должен думать здесь за корм для лошадей? – швырнув к ногам председателя пустой мешок, с надрывом в голосе проговорил Мотя и смахнул пот со взмокшего лба.

– Где ты взял эту муку, Мотя?! – эхом прозвучал вопрос Лейбмана.

– «Где взял? Где взял?»... Или то ваша забота? Украл – вот где! – послав себе под ноги смачный плевок, отвечал конюх, вызываясь глядя прямо в глаза председателя.

– Но ты знаешь, Мотя, за такое дело...

– Какое такое дело?

– Это же мука... – и Лейбман вновь отчетливо, до малейшей детали представил себе недавнюю сцену на колхозной кухне: вот Хася с закатанными по локоть рукавами кофты указывает ему на сиротливо стоящий в углу мешок с остатками общественной муки, а неподалеку от двери стоит Мотя, сосредоточенно сворачивая толстую махорочную сигарку... Да, точно так оно и было. И вот теперь этот Мотя стоит напротив него, а между ними валяется тот самый мешок. Только уже пустой. И воображение Лейбмана рисует картину вероятных событий, когда грозная Хася обнаружит у себя на кухне пропажу последней муки...

– Слушай, Мотеле, – тихо говорит председателю стоящему напротив него человеку. – А что, если мы запряжем сейчас твоего гнедого и вон ту карюю кобылку и...

– И что потом? – озадаченно перебил Мотя.

– ...и притащим из Волочаевки хотя бы пяток мешков этой муки.

– И через реку тоже?.. – кривит в усмешке губы Мотя и изучающе смотрит на председателя: это ж, мол, надо только придумать такое!

– Ну а ты что тут можешь придумать? – будто прочитав мысль конюха, вслух парирует Лейбман.

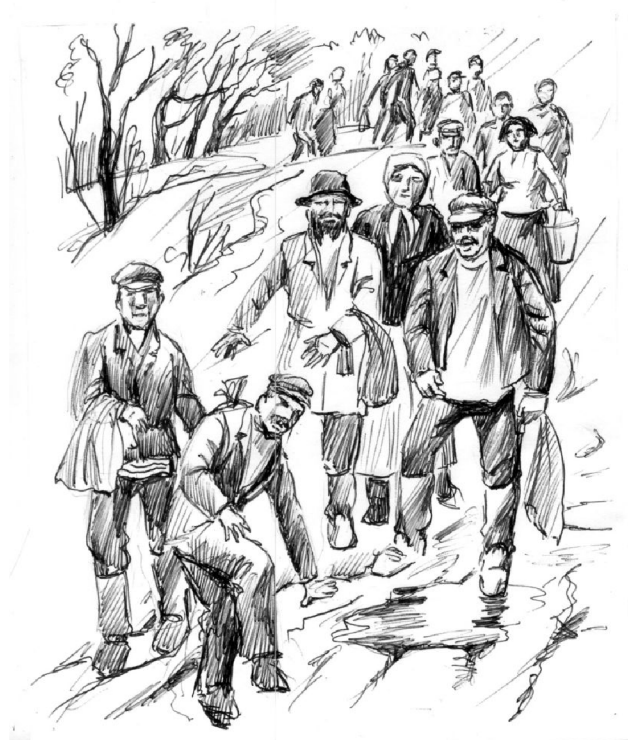
– Ха! Разве это уже мое дело – морочить себе голову? – срезал председателя конюх и, повернувшись в сторону яслей, громко произнес: – Эх, лошадки! Ну и хозяева у вас – чтоб им вот так же было! Или вы тоже не слышали, сколько раз говорили у нас за постройку склада здесь, на месте? Может, теперь и вы имеете что-то нам сказать?

Обескураженный Лейбман поспешил удалиться, а конюх Мотя, подстлав пустой мешок на мокрую корягу, присаживается, скручивает толстенную сигарку и, выпустив изо рта густой клуб табачного дыма, умиротворенно произносит:

– Ничего-ничего, лошадушки! Пока у вас тут в конюхах ходит Мотя, с голоду помереть он вам таки не даст.

Перекурив, конюх берет в руки мешок и направляется к строениям соседнего колхоза: уж мешочек-то овса он там обязательно выпросит в долг.

Между тем сперва как бы несмело накрапывающий дождь становится все чаще и гуще, небо над тайгой опускается еще ниже, и вот уже снова вовсю шумит холодный ливень.

Вечером в коммуне «Гигант» было объявлено экстренное собрание. В переполненном клубе собрались, кажется, все, кто только мог. По лицам собравшихся легко определить стаж членов сельхозартели: вот эти – загорелые, обветренные – отличают старых биробиджанцев, все иные принадлежат «городским» – совсем недавно прибывшим сюда новоселам. В помещении шумно. Гул голосов стихает, когда секретарь парторганизации товарищ Лева объявляет о начале собрания:

– Товарищи, на повестке дня сегодня стоит один вопрос – ...

«... Что будем завтра кушать?» – доносится громкая реплика-подсказка откуда-то с заднего ряда.

– Правильно формулируете, – соглашается Лева. – А сейчас слово имеет председатель коммуны товарищ Лейбман.

За время, пока Лейбман проделал несколько шагов к столику для выступающих, голоса в зале стихли и в клубе наступила непривычная тишина. Лейбман держал перед собой раскрытую записную книжку, с которой не расставался, кажется, никогда. Он когда-то и на эту никем еще не обжитую сопку поднимался с записной книжкой в руке.

– В интересном оказались мы с вами положении, товарищи, – с вымученной улыбкой начал выступление председатель. – На складах на станции Волочаевка лежат продукты, которых всем нам хватит с избытком до самой зимы, а у нас тут образовалось узкое место. Вы только себе представьте: там мы имеем полторы сотни мешков муки, а здесь завтра не хватит муки даже на буханку хлеба.

– Что, уже-таки завтра?! – донеслось из тишины зала.

– А чего раньше ждали? – отозвался еще один голос.

– Ждали? Да нет, как раз и не ждали... Не ожидали тех трудностей, с которыми нам с вами пришлось здесь сегодня столкнуться – трудностей освоения земли Биро-Биджана, – продолжал Лейбман, но слова его потонули в общем шуме зала:

– А что конкретно сделало ваше правление?

– Разве нельзя было до этих пор построить свою базу?

– Ответьте, пожалуйста, какие меры вы сами принимали для доставки продуктов?

– Правление занимается... – начал было Лейбман.

– ...Гигантскими планами оно занимается, – бесцеремонно оборвал кто-то председательскую фразу.

– Надо в район жаловаться!

– Да что в район? В Москву писать надо!..

Лейбман стоял бледный. Он понимал, что весь этот «порох» – против него, и если сегодня произойдет взрыв, исправить его последствия будет уже невозможно. Мрачные размышления председателя прервал пронзительно зазвеневший в руке товарища Левы звонок:

– Прекратите ваш базар! Каждый получит слово.

Партсекретарю стоило большого труда урезонить расходившихся «ораторов из толпы». Однако Лейбмана слушать уже никто не хотел. Тихо в зале стало только тогда, когда к столику для выступающих подошел «старый» биробиджанец конюх Мотя.

– Ша! Штил, идн! Тихо! – начал он.

– Пусть говорит! Дайте человеку сказать! – прошумели голоса в зале.

Коммунары Мотю хорошо знали, относились к нему с уважением, цenia его трудолюбие, скромность и простоту. «Настоящий биробиджанец», – одобрительно отзывались о нем и новички, и старожилы «Гиганта».

Мотя пришел на общее собрание в белой полотняной рубашке, подпоясанной узким ремешком, был чисто выбрит и аккуратно причесан. Ни дать ни взять на посиделки или на свидание с девушкой человек собрался. Приосанившись, Мотя обвел глазами притихший зал и заговорил:

– Все это большое безобразие – вот что я хочу вам сказать, – выразительно встряхнул он в воздухе поднятым кулаком, будто собираясь кого-то хорошенько стукнуть. – Я уже четвертый год в Биро-Биджане, и еще-таки ни разу не было такого, чтобы мы остались без корма. Только если нельзя возить грузы на лошадях, то почему нельзя возить те грузы по воде? А для фуража у нас давно можно было построить хотя бы временный навес. Но пока председатель товарищ Лейбман думает о разных гигантах, лошади наши стоят голодные.

– Ты лучше скажи, что нам, по-твоему, делать сейчас! – прервал речь конюха председательствующий товарищ Лева.

– Прямо сейчас?

– Ну да! Или ты не слышал, что на завтра у нас не то что корма для лошадей, а и хлеба нет.

– Завтра... – задумчиво произнес выступавший и обвел глазами ряды сидящих. – Завтра – день выходной. Можно будет всем пойти в Волочаевку и принести оттуда немножко продуктов.

При этих словах в зале с грохотом задвигались скамейки, поднялся невообразимый шум:

– Ну ничего себе!

– Весь склад сюда понесем?

– И всем колхозом утонем в болоте!

– И что, надо будет все нести прямо в руках? – со страхом и удивлением переглядывались недавние новоселы.

– Нехай те продукты наше правление носит!

– А давайте председателя в телегу впряжем...

Долго еще так шумел в клубе народ, на все лады обсуждая и осуждая никчемную работу правления и завтрашний поход в Волочаевку, в котором таки – а что делать? – придется принять участие всем колхозом.

...Пожилая чета Эльманов спустилась с сопки к реке самой последней, и один из колхозников, добровольно взявший на себя роль перевозчика, раздраженно прикрикнул на стариков:

– Нельзя ли побыстрее? Тащатся, понимаешь, с ножки на ножку...

– Иди, Меир, иди скорее! Посмотри-ка, мы же с тобой последние, – торопила мужа Бейла и, ухватив его за рукав пиджака, тянула спутника к лодке.

– Садитесь поживей! Или вы не видите, какой дождь опять собирается? – торопил супругов перевозчик, сидя в раскачивающейся лодке, и как только Эльманы устроились на корме, сильными взмахами весел погнал лодку к противоположному берегу, уже завешенному сеткой дождя. Здесь он привязал лодку подле двух других, переправившихся первыми, и весело крикнул пассажирам: «А теперь рулите сюда!» – и зашагал напрямик

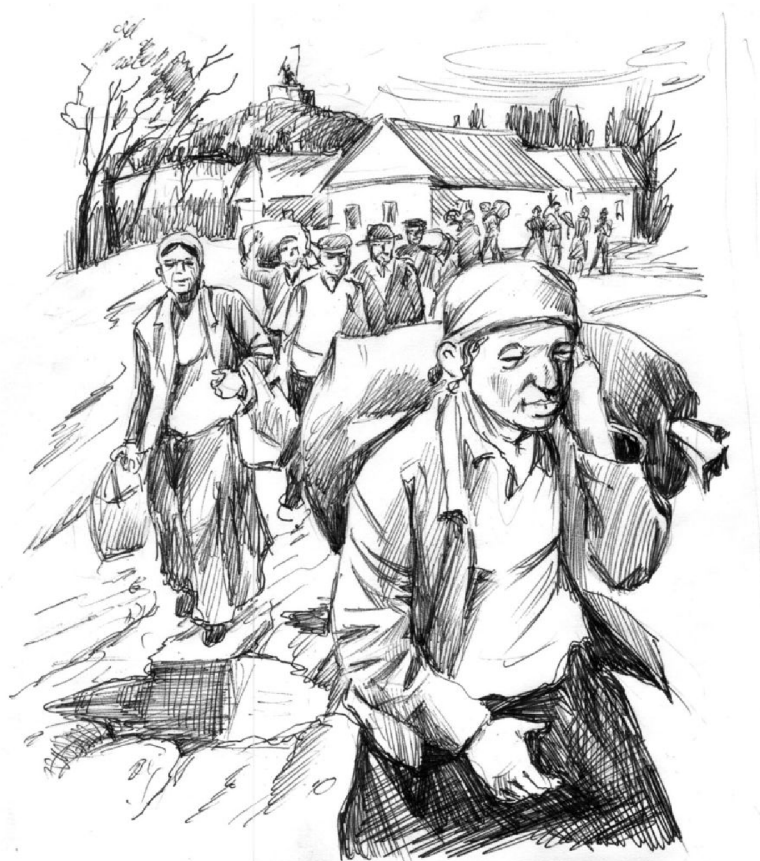
через болото. Едва поспевая за ним, двинулись вперед и Эльманы. Большой дождь шел чуть в стороне отсюда, лица путников холодила липкая водяная пыль. По обеим сторонам дороги, едва ли не сплошь залитой желтыми и серыми лужами и лужицами, стеной стояли дикие травы.

Эльманам не без труда удалось догнать пешеходов, растянувшихся по дороге редкой цепочкой.

– Поторопись, пожалуйста, Меир. Давай уже пойдем вместе со всеми. Вон видишь, где они, – время от времени повторяла старая Бейла, обращаясь к мужу. Оба они только что одолели подъем на заросшую дубняком горочку и едва переводили дыхание.

– Вечно ты торопишься, Бейла. Ты сама посмотри: разве можно устраивать гонку по такой дороге? – уже вливаясь в нестройные ряды коммунаров, ворчал Меир, радуясь про себя, что теперь можно и не очень-то спешить.

«О, и реб Меир с нами!» «Бейла, здравствуйте. Идемте уже вместе», – явно сочувствуя старикам, приветствовали их в группе замыкающих колонну.

Растянувшись неровной цепочкой, люди упорно идут вперед. Извилистый проселок, беспорядочно выложенный мутно-серыми плитами лужиц, луж и целых разливов, скользит под ногами идущих, минуя невысокие подъемы и спуски. Дорога, обходя сплошь залитые водой низины, все время жмется к мокрым кустарникам и перелескам. Необычно выглядит в это хмурое утро нестройная колонна путников посреди зеленой пустыни, словно придавленной мрачными низкими тучами. Медленно-медленно, словно нехотя, занимается новый день, и – вот он – опять начинает накрапывать холодный дождь, сгоняя с людей остатки сна.

Меир и Бейла, влившись в группу отставших, так и идут вместе с ними. Впереди всех шагают старые биробиджанцы. Станным кажется этот переход коммунарам, прибывшим

в «Гигант» не так давно. И правда: разве это не удивительно, когда члены коммуны-артели все до одного закрывают двери домов и всем кагалом, едва ли не по бездорожью, отправляются куда-то на продуктовый склад? Прямо как в лавку за покупками. Только «лавка» та располагается далековато. Как раз за семь верст от дома...

Идущие изредка обмениваются скухими репликами.

– Послушай сюда, Меир. Ты можешь понять, что делается?

– Ох, Бейла, – тяжело дыша, отвечает ей супруг. – Разве кто может такое понять? Только придумать, ты видишь, это было можно...

– А я, хочу вам сказать, совсем не таким представляла себе этот Биро-Биджан, – пытается завязать Бейла разговор с человеком, идущим слева от нее. Меир тотчас же одергивает жену:

– И что? Сейчас тебе обязательно надо об этом говорить?..

Между тем усилившийся было дождь слабеет, однако впечатление такое, будто дождевые капли просто остановились, повисли в воздухе, и без того до отказа налитым влагой.

– Все дождь и дождь... – слышится вздох.

– Может, уже вернемся назад?

– Ой, да разве ж то дождь!

– Погоди еще...

Передняя группа идущих ускоряет шаг. Их поступь тверда и уверенна, ноги их уже приучены ходить по трудным дорогам этого края. А задние едва поспевают за головной колонной и, кажется, готовы остановиться совсем. Меир и Бейла опять семят позади всех и уже с трудом переводят дыхание:

– Ой, сил моих нет! – остановившись, восклицают оба в один голос. Они и вправду выдохлись, эти старики, и сейчас еле переставляют ноги, чуть ли не по щиколотку облепленные тяжелой глиной. Лица Эльманов покрылись нездоровым румянцем, в странно посветлевших глазах – страдание, почти скорбь.

– Может, вам не нужно было с нами идти? Или, может, вам уже надо потихоньку вернуться? – участливо обращается к Эльманам кто-то из биробиджанских старожилов.

– И правда, чего вам так мучиться? Идите уже обратно

– Как?! Что вы себе такое говорите?! – звучат в ответ возмущенные голоса. Хорошенькое дело – вернуться... Вы слышали такое? Вся наша сопка пошла, а нам «не надо было идти»?

Нет, разве их можно вот так отделять от всех остальных? Им даже обидно сейчас, что их вроде как жалеют. Да они, если хотите знать, весь вечер вчера к этому походу готовились. И вот на тебе – «Может, вам с нами и идти не надо было»... Разве ж не Бейла Эльман вчера после собрания принесла из дому целых десять новеньких чистых мешков и отдала их Лейбману? Возьмите, мол, товарищ председатель, если вам надо, эти мешки. Посмотрите: они совсем новые. В них, я вам должна сказать, можно держать сахар – вы сами видите, какие они плотные. От чистого сердца Бейла все делала, а тут мы ну как будто лишние стали. Разве не обидно?..

Однако через минуту о досадном недоразумении было забыто: над головой колонны, нарастая и ширясь, зазвучала хорошо знакомая всем здесь песня со словами: «Дальневосточная, даешь отпор, даешь отпор!..» Выдвинувшись из-за леса, перед глазами тех, передних, во всем своем величии и великолепии предстала статуя героя-народоармейца, венчающая Партизанскую сопку. Окруженный изгородью из колючей проволоки, высоко над головой держа винтовку, стоит боец революции, а далеко вокруг льется сейчас песня, которую любят и поют люди упорные, крепкие и уверенные в себе. «Даешь отпор!»

Давно уже проснувшиеся жители Волочаевки, заслышав громкое пение, выходят на крылечки и с удивлением смотрят на идущих:

- Это что за марш?
- До завтрака вроде как рано маршировать...
- Це який же ж сьогодні як то... праздник?
- Неужто евреи решили бежать со своей сопки?
- Та ни. С пустым-то мешком не побежишь.
- Куда ж это они все?..

Для волочаевцев, которым далеко не в новинку разные марши, этот сегодняшний казался по меньшей мере странным, и сейчас вся улица, по которой коммунары входили в село, с удивлением смотрела на идущих. Кто-то качал головой, кто-то пожимал плечами, кто недоуменно почесывал затылок: гляди-ка ты, идут да и поют еще... Пели теперь уже все марширующие. Даже шедшие позади всех Меир и Бейла подпевали молодым голосам («Какая же трудная эта русская военная песня, Меир...»). И хотя Эльманы, как и все в колонне, промокли до нитки, шаг их стал тверже и уверенней...

Надо было видеть, с какой скоростью и сноровкой действовали люди на расфасовке муки, пересыпая ее из неподъемно-тяжелых складских кулей в разномастные и разнокалиберные мешки, сумки, мешочки и саквояжики. Пропустив очередной состав, к работающим подошел начальник станции с бидончиком в руке и, глядя, как ловко работают коммунары, сказал, обращаясь к Лейбману:

- Надо бы вам, друзья, уже и свою базу в коммуне иметь. Тогда можно будет и урожаи с поля к себе домой свозить, и все, что по железной дороге к вам идет, у себя хранить. Пора вам хозяевами на этой земле быть.

Лейбман принял замечание молча. Он только что-то хмыкнул себе под нос, занятый записями в своем блокнотике. Да, ты прав, начальник. Или не о том же самом говорили мы у себя вчера на колхозном собрании? А сейчас мне не до разговоров с тобой – надо продукты принять. Лейбман считал килограммы муки, выносимой сейчас со склада, и каждый мешок казался ему частью груза, который люди дружно снимают с его собственных плеч. Председатель снова постепенно переключался на привычные мысли о будничных делах сельхозартеля: завтра надо будет обязательно сделать то-то и то-то, а послезавтра... Ну перестанет же когда-нибудь, наконец, этот дождь?!

Конюх Мотя, едва ли не первым набив овсом объемистый мешок, нетерпеливо поглядывал на остальных, чего, мол, они возятся, если все уже получили свои порции продовольствия, и крикнул:

- Ну, чего ждем? Пошли! Я, например, уже ушел...

– Погоди, Мотя, – отозвался кто-то из колхозников. – Одному в лодке тебе тесно таки не будет. А другим на этом берегу что же, ждать да мокнуть, пока ты обернешься?

Махнув рукой, – ладно, дескать, понял, – Мотя отставляет свой мешок и принимается помогать тем, кто еще не готов идти:

– А что, нельзя шевелиться побыстрее? Да нет, не я – вон дождь нас торопит. Видал, какая туча опять заходит?

Конюх был прав: в округе потемнело, ближние сопки уже потонули в пелене дождя. Впрочем, торопить здесь никого особо не требовалось. И тот, кто был готов отправиться в обратный путь, тут же помогал другому. Супруги Эльманы наполнили свои мешки сахаром: или они не говорили, что новые мешки годятся как раз для сахара?

Когда в складском помещении стало совсем просторно, коммунары «Гиганта» дружно отправились в обратный путь. Теперь в Волочаевке уже не удивлялись, глядя на их шествие. А бывшие партизаны смотрели на людей с мешками с уважением: в свое время им, участникам Гражданской, тоже приходилось совершать похожие переходы. Удивляло их только то, что в «строю» были и женщины.

– Это у них субботник сегодня, – со знанием дела громко пояснила стоящим с ней рядом девушка в красной косынке.

В голове колонны опять кто-то завел было песню, но скоро она сама собой угасла: не много напоешь, когда ноша оттягивает плечи. К тому же стоило и поторопиться – людей подгоняла погода. Вершины ближних сопки прятались в низких тучах.

– Давайте побыстрее, товарищи! – слышится из головы колонны голос Лейбмана, хотя он и сам прекрасно видит, что люди спешат, двигаются по дороге напрямик и уже не обходят глубоких луж. Сам председатель несет на плечах пухлый мешок, время от времени замедляет шаги и, повернув наклоненную голову в сторону идущих, не без удовольствия отмечает: все идет нормально и сопка теперь продуктами и фуражом, считай, на какое-то время обеспечена. Лейбман отыскивает глазами конюха Мотю. Коренастый, не очень рослый, навьюченный большим мешком, колхозный конюх бредет сейчас чуть ли не по колено в воде и от этого кажется совсем маленьким. Когда конюх поравнялся с председателем, тот окликает его:

– Зря ты, Мотя, не захотел вчера лошадей запрягать, чтоб они сами доставили для себя фураж, а теперь вот... Смотри, дорога-то дальше совсем плохая.

– А что, сейчас тут есть где-то дороги совсем хорошие? – хрипло отвечает Мотя вопросом.

– Но ты же сам видишь, что...

– Что я вижу?

– А то, что хотя тут у нас хороших дорог нет, зато у нас тут есть хорошие люди, – смеется Лейбман. – Идет, посмотри, народ, двигается...

– Народ, конечно, идет, – тяжело повернувшись к председателю всем корпусом и глядя ему прямо в глаза, парирует Мотя. – Только что тому народу остается делать, если какой-нибудь председатель не сумел найти для него другой дороги?

– Ты так думаешь? – криво усмехается Лейбман.

– А как мне думать еще? – с вызовом рубит Мотя и, резким движением поправив на плече тяжелый мешок, останавливается, ожидая, пока с ним поравняются задние и присоединяется к ним. В последних рядах – только женщины.

– А вы чего это держитесь отдельно от всех? – полушутя интересуется у них Мотя.

– А чтоб вы не слышали, что мы о вас тут говорим, – сощуриив жгучие черные глаза, отвечает языкастая Хася.

– Критика и самокритика – дело хорошее, – подходит к группе женщин Лейбман. – Говорите все, что думаете. Только самое-то главное сейчас что? – обращается он к Хасе. – То, что теперь тебе есть что в котел положить. Так?

– Ой, спасибо вам с кисточкой, спаситель вы наш! – дурашливо запричитала повариха. – Только если в другой раз по вашей милости мы останемся без продуктов, мы знаем, кого в тот котел покласть.

Женщины хмуро поглядывают на Лейбмана:

– Что хорошего? Люди еле ноги тащат.

– Все плечи эта мука оттянула. Уже не знаешь, как ее лучше и нести.

– Мы сюда ехали, думали, хоть тут жизнь получше будет, – особо ни к кому не обращаясь, вздыхает одна из новоприезжих.

– Будет, милая, будет и здесь хорошая жизнь, – тотчас отзывается Хася.

– Когда то еще будет? – тяжело вздыхает новенькая.

– А вот как только выберем нового председателя, так все и пойдет как следует, – полыхнув глазами в сторону Лейбмана, четко декларирует Хася. – И нечего тут вздыхать! Слышали же: субботник у нас сегодня. А субботник – дело добровольное, и никто вас не принуждал с нами тащиться. И кому легко? Кто от нас далеко.

– Даже так?

– А как вы думаете?

– Я знаю?..

– Я не знаю, как вы жили там, откуда вы сюда приехали, только здесь у нас хорошая жизнь обязательно будет. Иначе для чего мы эти болота месим, для чего строим, для чего эту землю своей назвали?

Говорят, от сердца сказанные слова к другому сердцу сразу льнут. Лица женщин, окруживших Хасю, становятся строже и светлей, и как-то легче – пусть всего лишь самую малость – становится ноша...

...Когда передние подошли к реке, сюда же, к ее берегам, подтянулась и первая волна дождевых туч, наступающих с юго-востока. Начали подходить к реке и все остальные участники «марша». И уже здесь, перед самым домом, внезапно хлынувший ливень заставил людей снимать с себя верхнюю одежду и спешно укрывать ею мешки. Не нести же домой вместо муки тесто?.. В это время от берега донеслись тревожные крики. «Что там такое случилось? – спрашивали друг друга люди. – Пора уже переправляться, иначе ж перепортим все продукты. Такой дождь»...

– Так ведь лодок нет!!!

– Как это нет?!

– Ничего себе!

– Господи, и тут эти вредители...

– Мамочка моя! И что ж теперь делать?

– И ведь привязали крепко...

– Ну вот здесь же они, на этом самом месте были!..

На лица людей легла печать недоумения, растерянности и страха. Сейчас они беспомощны.

– Евреи, что ж вы стоите?!

– Надо бежать и искать эти лодки.

– Куда бежать? Когда? Ты посмотри, как льет.

И тут произошло нечто, заставившее всех замолчать. Отделившись от толпы, к тому самому месту, где были привязаны лодки, подошел конюх Мотя и, вскинув над головой мешок, вошел в воду. Сделав десяток шагов и стоя уже по пояс в мутной воде, он громко и как будто даже весело крикнул, оборачиваясь к стоящим на берегу:

– Здесь неглубоко! За мной – шагом ма-а-арш!..

На берегу воцаряется тишина. Люди переминаются, переглядываются и, кажется, чего-то ждут, а затем несколько стоящих у самой воды на удивление дружно вскидывают над головами свои мешки и один за другим входят в воду. Сначала идущие как будто уменьшаются в росте, на середине реки они бредут по пояс в воде. Медленно тянутся минуты, медленно движутся люди, и вот уже из-за сетки дождя видно, как переправляющиеся поравнялись с деревьями, что растут прямо из воды у того берега реки, перед самым подъемом на сопку.

Оставшиеся на этой стороне реки коммунары следуют примеру тех, первых. С поднятыми над головами мешками, мешочками, узлами и «оклунками» коммунары один за другим входят в воду и медленно передвигаются наискось по течению реки, стараясь не отклоняться в сторону от «дороги», по которой только что проследовал конюх Мотя и те, первые. Шум дождя сливается с плеском и журчанием мутной воды. И вот уже и самые последние идут по залитому водой прибрежному лугу. Здесь совсем мелко, мешки можно

снова положить на плечи. И хотя по лицам людей струями стекает вода, в глазах светится радость. Они пришли домой...

Меир и Бейла уже переоделись в сухую одежду. В руках у старика – насквозь промокшее полотенце, Бейла зябко кутается в шерстяной платок. Только теперь они чувствуют, как же они сегодня замерзли в этой реке и под этим дождем. Но на полу перед ними – вот они – лежат два мешочка с сахаром. Конечно, сильно отсыревшим. Ну а что можно было сделать?

– Нет, Меир, ты таки можешь мне сказать, что делается на этом свете? – пряча руки в рукава кофты, пытается мужа бобэ Бейла.

– Ну что тебе сказать, Бейлочка? Разве ж ты сама не видишь, что делается? – вздыхает Меир, задумчиво глядя в залитое дождем окно...

А с верхнего этажа дома до слуха стариков доносятся веселые голоса мужчин, громкий женский смех и топот крепких ног.

Перевод с идиша Валерия Фоменко